

УДК 355:262.14

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ НА ФРОНТАХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

ЛЕДОВСКИХ Елена Александровна,

научный сотрудник ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены особенности мобилизации православного духовенства Центрального Черноземья в период Русско-японской войны. Дана всесторонняя оценка деятельности военных священников на фронте, приведены примеры их самоотверженности и героизма. Показан значительный вклад военного духовенства в благотворительную деятельность, патриотическое воспитание воинов и общее дело помощи фронту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская Православная Церковь, патриотизм, военное духовенство, русско-японская война, мобилизация, полк, госпиталь.

LEDOVSKIKH E.A.,

Research Fellow at Air Force Education and Research Center «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

THE ORTHODOX CLERGY OF THE CENTRAL BLACK EARTH PROVINCES AT THE RUSSO-JAPANESE WARFRONTS

ABSTRACT. The paper presents some mobilization peculiarities of the Central Black Earth Region orthodox clergy during the Russo-Japanese war period. Chaplains' activity at the front, heroic and self-sacrificing, is paid attention to. A significant contribution of the military clergy to charitable activities, soldiers' patriotic education and assistance at the front is demonstrated.

KEY WORDS: Russian Orthodox Church, patriotism, military clergy, Russo-Japanese war, mobilization, regiment, military hospital

Современная военно-политическая обстановка оказывает непосредственное влияние на содержание духовной жизни российского общества. Русская Православная Церковь во все времена стояла на патриотических позициях, относилась к делу защиты Отечества, как к священному долгу, наполняла службу в Вооруженных силах духовно-нравственным смыслом. Сегодня изучение исторического опыта взаимодействия двух важнейших социальных институтов является необходимым для возрождения национально-религиозных идей и укрепления патриотического сознания граждан.

История становления и развития института военного духовенства отражена в трудах В.М. Коткова «Военное духовенство России» [1] и К.Г. Капкова «Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков» [2]. На региональном уровне данная проблема исследована мало. Деятельность военного духовенства Тамбовской епархии в начале XX в. рассмотрена в некоторых работах П.П. Шербилина [3].

Цель данного исследования – охарактеризовать мобилизационную работу в аграрном регионе в период Русско-японской войны. Дать объективную оценку деятельности военных пастырей, призванных на Дальний Восток из Центрально-Черноземных епархий.

В статье использовались материалы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Тамбовской области, данные из «Обзора Воронежской губернии за 1904 год», а

также публикации Тамбовских и Воронежских епархиальных ведомостей.

Исторически военно-морское духовенство возникло в эпоху Петра Великого, с целью обеспечения духовного окормления и регулярного отправления богослужений в армии и на флоте. «Военный устав 1716 г. и Устав морской службы 1720 г. детально описывают обязанности священников, придаваемых полкам в случае войны», – отмечал исследователь Русской Православной Церкви И.К. Смолич [4; с. 382].

На начальном этапе своего существования военное духовенство не было объединено в особую группу и в мирных условиях подчинялось той епархии, где дислоцировался полк. Позднее возникла потребность в его организации под управлением специально назначенного должностного лица. Согласно указу от 4 апреля 1800 г. все военное духовенство было подчинено обер-священнику армии и флота как в мирное, так и в военное время, на пост которого императором Павлом I назначался П.Я. Озерцовский (1758–1807) – талантливый человек, оказавший положительное влияние на развитие взаимоотношений армии и церкви.

В 1890 г. было введено звание протопресвитера военного и морского духовенства, который избирался высшим органом управления Русской Православной Церкви и утверждался императором. На эту должность был назначен А.А. Желобовский (1834–1910), который к тому времени уже являлся Главным священником гвардии. При протопресви-

Информация для связи с автором: elena_ledovskikh@mail.ru

тере действовал особый совещательный орган – духовное правление, сосредоточивший в себе все управленческие функции в отношении военных церквей и духовенства.

Институт военных пастырей структурировался следующим образом: во главе стоял протопресвитер военного и морского духовенства, далее шли главные священники, которые находились при штабах военных округов и армий и приравнялись по своему статусу к званию полковника. Самую многочисленную составляющую военного духовенства представляли полковые, госпитальные и тюремные священники, их должность соответствовала в армии званию капитана.

Таким образом, к началу XX в. в Российской империи институт военного духовенства приобретает четкую иерархию, формируется специализированный государственный орган, координирующий деятельность военных пастырей – Ведомство протопресвитера армии и флота.

В период военных действий священнослужители сопровождало свои части в походах, совершая богослужения в особых палатках, представлявших собой передвижные храмы со всей необходимой церковной утварью. В Русско-японскую войну при штабе командующего Маньчжурской армии генерала А.Н. Куропаткина (1848–1925) располагалась походная церковь. По свидетельствам современников, командующий редко пропускал всенощную, а к обедне его уже не пускали дела, доклады, массы подписей и телеграмм [5, с. 1715].

В обязанности военных пастырей входило совершение таинств и церковных обрядов для военнослужащих. Независимо от опасности и сложнейшие бытовые условия, священники ежедневно отправляли богослужения и молебны, исповедовали, причащали, отпевали погибших. Достаточно подробно свои трудовые будни описывал отец Митрофан Себреянский, полковой священник 51-го Драгунского Черниговского полка, во время войны на Дальнем Востоке: «Готова церковь; я поставил престол, облачил его, устроил жертвенник... Собрались эскадроны, и около 10 часов утра святая литургия началась...Ведь хочется воспользоваться затишным временем, чтобы как можно более молитвою утешить и ободрить усталые души воинов... Поздравил их с праздником, благословил, вернулся на свой бивак... отслужил молебен перед полковой иконой...» [6].

Из воспоминаний сестры милосердия Н.В. Козловой известно об исполнении священником на перевязочном пункте, во время войны с Японией, таинства венчания: «...в палатку вошли члены управления Красного креста и распорядились прекратить перевязки, так как сейчас в церкви будет происходить венчание одной сестры милосердия со студентом, заведующим красно-крестным складом. Мы не верили своим ушам. Но что это было за ужасное впечатление! Точно от какого-то кощунства. Наконец венчание кончилось...священник пошел в алтарь взять запасные дары, чтобы причастить раненого, пролежавшего на столе все время венчания...» [7]. Этот случай был, скорее всего, единственным, так как мероприятиям, подразумевающим под собой радость и веселье, не место на войне, где люди сотнями умирали от ран и болезней, защищая свою Родину.

Полковым священникам, помимо своих прямых обязанностей, приходилось помогать медицинскому персоналу в лазаретах, на перевязочных пунктах,

опознавать и погребать усопших, сообщать родным и близким о погибших. Генерал В.А. Романов в беседе с сотрудником газеты «Московские ведомости» отмечал: «Кроме врачей, санитаров и сестер милосердия, есть еще и другие лица, которые не щадят своей жизни. Это – священники. С крестом они храбро идут впереди полка во время битвы, по окончании помогают перевязывать раненых и вообще не брезгают никакой работой» [8; с. 2065].

С началом военной компании на Дальнем Востоке в стране развернулась большая мобилизационная работа, которая затронула и священнослужителей. С 1 января 1903 г. в действие вступило новое мобилизационное расписание № 18, согласно которому «в формируемые в военное время из соответствующих мирных кадров части войск... следует предназначить соответствующих лиц для замещения открывающихся в них в военное время должностей священнослужителей. Причем для своевременного прибытия к местам назначения священнослужители должны быть предназначены по возможности из районов тех же епархий, в которых расположены части войск» [9].

Из сохранившейся в фондах Российского государственного исторического архива секретной «Ведомости частей войск» известно, что в Тамбовской губернии дислоцировалось пять запасных пехотных полков: 285-й Мценский и 286-й Кирсановский – в г. Тамбове, 287-й Тарусский и 288-й Куликовский – в г. Моршанске, 290-й Липецкий – в г. Козлове. В г. Воронеже Воронежской губернии располагались 291-й Бобровский, 292-й Пронский полки. 271-й пехотный Льговский и 272-й Корочанский полки находились в г. Курске [10].

В каждую часть, согласно новому мобилизационному расписанию, прикомандировывалось духовное лицо. В соответствии с секретным Указом Его Императорского Величества «О назначении священнослужителей в войсковые части на случай мобилизации армии» епархиальным преосвященным поручалось выделить необходимое количество священнослужителей, распределив их по войсковым частям, причем приоритет отдавался монашествовавшему духовенству [11].

В мобилизационном списке № 1 от 1 июня 1904 г. указано, что располагавшиеся в Тамбовской губернии полки в составе 55-й и 72-й пехотных дивизий были отправлены на Дальний Восток. При этом 223-й Коротоякский, 224-й Скопинский, 291-й Бобровский, 292-й Пронский полки, сформированные в Воронежской губернии, и 221-й Шацкий, 290-й Липецкий, расположенные в г. Козлове Тамбовской губернии, остались в Европейской России в состоянии полной боевой готовности [12].

Возможно, что со временем данные части были передислоцированы в район боевых действий. Так, в рапорте благочинного 73-й пехотной резервной бригады Евгения Поспелова указано, что 290-й пехотный резервный Липецкий полк, в котором он состоял полковым священником, 8 марта 1906 г. прибыл в г. Козлов Тамбовской губернии и 14 марта влился в прибывший туда же 222-й пехотный резервный Шацкий полк. Сдача церковного имущества произведена 17 марта 1906 г. [13].

Согласно архивным данным из Тамбовской епархии в 287-й Тарусский полк направлялся иеромонах Лебедянского Троицкого монастыря Евсевий, получивший комплект церковных вещей от кафедрального собора [14]. Однако впоследствии он был отозван в город Тамбов, а вместо него назначен

отец Виктор (Познанский), который в апреле 1905 г. из-за болезни был эвакуирован с Дальнего Востока в Россию, а на освободившуюся должность поставлен священник села Соколова Кирсановского уезда Иоанн Виноградов [15].

В 285-й Мценский и 286-й Кирсановский полки епископом Козловским Нафанаилом из Троицкого монастыря были определены иеромонахи Венедикт и Иродион [16]. В процессе исследования установлено, что иеромонах Иродион участвовал в боях на реке Шахе, в сентябре 1904 г., а также при атаке деревни Сунбзятагай и деревни Безымянной, находился на передовых позициях, принимал участие в Мукденских боях [17]. За усердную службу и труды, понесенные в походах за время военных действий, отец Иродион награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Анны 3-й степени с мечами [18].

В 288-й пехотный Куликовский полк был зачислен иеромонах Шацкой Вышенской пустыни Моисей. Из послужного списка иеромонаха понятно, что он достойно проявил себя в период военных действий и был отмечен наградами: «Согласно Приказу Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, от 14 апреля 1905 г. за № 530, награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и от 15 июня 1905 г. за № 1036 – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами» [19]. В связи с прекращением военных действий на Дальнем Востоке 288-й пехотный Куликовский полк был расформирован. На основании приказа Главнокомандующего за № 2322 1905 г., иеромонах Моисей отправлен к прежнему месту служения в Вышенскую пустынь Тамбовской губернии [20].

В соответствии с законодательством священнослужители, назначенные в воинские подразделения, после окончания военных действий и расформирования частей должны были вернуться в епархии, из которых прибыли. При этом за ними сохранялись занимаемые по епархиальной службе должности вместе с положенным по этим должностям содержанием. Однако в фондах Российского государственного исторического архива сохранились рапорта и многочисленные прошения священников остаться в ведомстве военного и морского духовенства. Данная ситуация объясняется тем, что доходы военных пастырей, особенно в боевой обстановке, в значительной степени отличались от доходов приходских священников. К примеру, из послужного списка иеромонаха Моисея известно, что он получал годовое содержание в размере 2160 рублей [21], при том что средний годовой доход приходского пастыря в указанный период составлял порядка 200–250 рублей. Таким образом, желание поправить свое материальное положение послужило мотивом для некоторых священнослужителей остаться в войсках.

В ряды действующей на Дальнем Востоке армии встали и находившиеся в запасе псаломщики, многие из них ушли на фронт, оставив необеспеченные семьи: жен, детей, престарелых родителей. В Тамбовской епархии правящий архиерей распорядился оставить за всеми псаломщиками занимаемые ими места с предоставлением права их семьям пользоваться всеми доходами, соединенными с этими местами [22, с. 479].

С началом Русско-японской войны в вооруженных силах насчитывалось 885 лиц духовного звания, из них 669 священников, 137 диаконов и 79 псаломщиков. К 1905 г. количество священно-

служителей увеличивается до 964, при этом священников становится 736, число диаконов практически не меняется, а количество псаломщиков увеличивается до 93 [23, с. 60].

Несмотря на обширную мобилизационную работу, проходившую во многих епархиях империи, духовенства на фронте не хватало, в особенности в госпиталях. На это указывают сохранившиеся в архиве рапорта и телеграммы с просьбами о скорейшем назначении во врачебные заведения священнослужителей [24]. Так, диакон Тамбовской епархии Аркадий Трунцев, сопровождавший на Дальний Восток походную церковь во имя преподобного Серафима Саровского, был рукоположен в священники сразу по прибытии «ввиду нужды в госпитальном духовенстве» и назначен в 37-й полевой подвижный госпиталь 55-й пехотной дивизии 6-го Сибирского армейского корпуса [25].

О нехватке священнических кадров в армии свидетельствует указ императора от 22 марта 1904 г. за № 2882, в котором епархиальным архиереям было поручено командировать благонадежных пастырей для удовлетворения духовных нужд православных воинов, независимо от священнослужителей, упомянутых в Синодальных циркулярных указах, с содержанием по 200 рублей в месяц и по 300 рублей одновременно подъемных каждому [26, с. 270]. В результате из 32 епархий поступили донесения о 22 иеромонахах и 45 священниках, многие из которых были отправлены на фронт [27].

Некоторые священнослужители по различным причинам, главным образом по медицинским показаниям, освообождались от несения службы на Дальнем Востоке. Так, в Воронежской губернии в 1904 г. оторочку от воинской повинности получило 5 священников и 15 псаломщиков [28, с. 44]. Имели место случаи, когда пастыри, которые были в преклонном возрасте или имели заболевания, по халатности на местах помещались в мобилизационные списки. В Государственном архиве Тамбовской области сохранилось прошение епископа Козловского Нафанаила на имя епархиального архиерея об освобождении от воинской службы старых и больных иеромонахов Феогноста и Филарета и замене их на иеромонахов Венедикта и Иродиона, физически более здоровых и пригодных для службы на фронте [29]. Командированные в места боевых действий больные священнослужители впоследствии были эвакуированы по состоянию здоровья. К примеру, сохранилось медицинское свидетельство Московской внутренней эвакуационной комиссии на предмет определения состояния здоровья священника 85 полевого подвижного госпиталя иеромонаха Петра: «60 лет от роду, телосложение слабое, бледен, склероз сосудов, шумы в сердце, сильно выраженное исхудание» [30]. Данные факты свидетельствуют о недобросовестном отношении и формальном подходе к мобилизационной работе в епархиях.

Согласно архивным документам, в Воронежской губернии были сформированы полевые подвижные госпитали № 244 и № 243 56-й пехотной дивизии, № 287 и № 288 73-й пехотной дивизии, а также полевые подвижные госпитали, не придаваемые дивизиям, – № 331, № 332, № 333, № 334, № 335, № 336, № 337, № 338 [31]. К сожалению, личности священнослужителей, назначенных в эти военно-врачебные заведения, в процессе исследования установить не удалось. Однако сохранилось достаточно информации о выпускниках Воронежской ду-

ховной семинарии, которые впоследствии посвятили свою жизнь служению Богу и Отечеству. Отец Иоанн Проскуряков с 161-м пехотным Александровским полком находился на Дальнем Востоке [32]. Некоторые выпускники Воронежской духовной семинарии были награждены за проявленный героизм и «отличие в делах против японцев». Так, священник Поваринский, благочинный 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и духовник 8-го Восточно-Сибирского стрелкового полка награждены наперсными крестами [33], отец Иоанн Покровский удостоен ордена Св. Анны 3-й степени с мечами [34].

В соответствии с новым мобилизационным расписанием в Тамбовской губернии в полевые госпитали № 119 и № 120 при 55-й пехотной дивизии были определены иеромонахи Шацкой Вышенской пустыни Тихон (Новоцадов) и Нестор (Смирнов). Из материалов Государственного архива Тамбовской области известно, что иеромонах Нестор прошел всю Русско-японскую войну и завершил службу в 37-м полевом подвижном госпитале. По состоянию здоровья он был отправлен на лечение в г. Одессу, откуда в сентябре 1905 г. возвратился в родную Вышенскую пустынь [35].

В полевые госпитали № 285 и № 286, состоящие при 72-й пехотной дивизии, были командированы иеромонахи Саровской пустыни Тамбовской епархии Иероним (Сентюрин) и Аркадий (Козырев). Причем иеромонах Иероним в возрасте 51 года так и не поступил на службу в связи с диагностированным у него заболеванием – правосторонней паховой грыжей, о чем свидетельствует заключение главного врача 285-го полевого госпиталя и старшего врача дивизионного обоза [36]. Вакантное место госпитального священника занял иерей Троицкой церкви села Глуховки Кирсановского уезда – Вячеслав Гаврилович Миловидов, изъявивший добровольное желание уйти на фронт. Испросив архиепископского благословения епископа Тамбовского Иннокентия (Беляева) (1862–1913), отец Вячеслав направил прошение командующему 72-ой пехотной дивизии, после чего получил положительный ответ о назначении в 285-й полевой подвижный госпиталь [37].

Иеромонах Аркадий (Козырев) прошел все тяготы войны в 286-м полевом госпитале. В период военных действий он проявил себя весьма достойно, в результате чего был награжден набедренником и орденом Св. Анны 3-ей степени [38]. Согласно приказу по 72-й пехотной дивизии от 1906 г. за № 21 после расформирования военно-врачебного заведения иеромонах Аркадий был отправлен в распоряжение епархиального начальства Тамбовской губернии [39].

Однако не все духовные лица проявили себя достойно на фронте. По мнению исследователя военной психологии Е.С. Сенинской, в чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества, которые могут приобретать здесь принципиально иное значение, например, слабость характера, несмелость... [40, с. 51]. Так, полковой священник 284 пехотного Чембарского полка иеромонах Елисей, несмотря ни на какие увещевания пьянствовал, отличался крайней неопытностью, был совершенно не образован и не развит, в результате чего служил посмешищем в полку и вызывал к себе презрительное отношение со стороны офицерских чинов. Впоследствии он был отстранен от должности и отправлен обратно в Троицко-Сканов монастырь Пензенской епархии [41].

Подобный случай был зарегистрирован в Тамбовской епархии. Упомянутый выше иеромонах Лебединского Троицкого монастыря Евсевий прибыл, согласно указу Св. Синода от 8 ноября 1903 г., к командиру 287-го Тарусского полка полковнику М.И. Шишкину. Находясь в нетрезвом состоянии и весьма в непочтительной форме, он сделал заявление командиру: «...я теперь в горе и желаю уехать назад, пусть мне дадут только денег» [42]. Командир не принял иеромонаха, отправив его к воинскому начальнику, после чего протопресвитеру А.А. Желобовскому им было отправлено письмо следующего содержания: «Я, прежде всего, должен озаботиться установлением внутреннего порядка, который, прежде всего, может нарушаться пьянством. Поэтому... всякий, позволяющий себе напиться пьяным и пить водку, есть враг Царя и Родины» [43]. Исследователи отмечают, что в период русско-японской войны наблюдался рост психических заболеваний, обострение пограничных психологических состояний среди россиян. [44, с. 198].

Консистория, рассмотрев дело, на основании 196 ст. Устава Духовной консистории и применительно к 187 ст. постановила: «Запретить иеромонаха Евсевия в священнослужении с лишением прав ношения рясы и клобука и послать его в Лебединский Троицкий монастырь на черные труды, впредь до исправления» [45]. И, несмотря на раскаяния иеромонаха в своем поступке и его многочисленные прошения к епископу Иннокентию (Беляеву) о снятии «прещения», наказание было отменено только спустя два года.

Вышеуказанное свидетельство о формальном подходе епархиального начальства к вопросу отбора кандидатов для отправления на фронт, что являлось серьезной ошибкой, так как ставило под угрозу авторитет духовенства на фронте и, как следствие, влияло на морально-психологическое состояние воинов.

Встречались священнослужители, не желавшие безвозмездно совершать требы, причем некоторые испрашивали за свои услуги (богослужение в казарменной церкви, исповедь, причастие, соборование) достаточно высокую денежную сумму. Так, командир 273-го пехотного Дунайского полка в рапорте протопресвитеру военного и морского духовенства писал, что не может воспользоваться услугами, явившегося по назначению местного архиерея, священника Зеленкевича, так как он назначил плату за каждую службу по пять рублей. В полку нет кредита на эту надобность. Впоследствии в указанный полк был назначен священник Михаил Ремезов, предложивший свои услуги безвозмездно [46].

Подобные случаи поведения духовенства были, скорее всего, не единичными, и они не могли не вызвать осуждения со стороны общественности, так как военные пастыри представляли на фронте не только духовную власть, но и государственную идеологию, являлись олицетворением нравственности, мужества и патриотизма. Возможно, многие представители духовного сословия в силу своей политической безграмотности до конца не понимали той важной миссии, которая на них была возложена.

Однако в большинстве своем священнослужители оставались верны своему долгу, поддерживали и утешали раненых, воодушевляли воинов личным примером, молились о даровании побед, в тылу занимались благотворительной работой и уходом за ранеными. «Были и такие, которые взяли на себя труд поддерживать при помощи переписки нравст-

венную связь и единение со своими прихожанами-воинами», – писал один из авторов Тамбовских епархиальных ведомостей [47, с. 1012].

Таким образом, мобилизационная работа в Центрально-Черноземном регионе прошла довольно успешно, несмотря на некоторые сложности технического характера. В соответствии со всеми необходимыми требованиями нужное количество священнослужителей было зачислено в соответствующие военные части и отправлено на фронт, причем многие

проявили себя патриотами, достойно выполнив возложенные на них обязанности, о чем свидетельствуют многочисленные награды, зафиксированные в послужных списках. Примеры самоотверженности военных пастырей Центрально-Черноземных епархий показали, что духовенство как ведущая общественная сила продолжало служить людям в той же степени, в какой и ранее, в столь непростое для страны время повсеместной антиправительственной, антицерковной и революционной пропаганды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Котков, В.М. Военное духовенство России: страницы истории : в 2-х кн. [Текст] / В.М. Котков. Кн.1. – СПб. : НЕСТОР, 2004. – 319 с.
2. Капков, К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков [Текст] / К.Г. Капков. – М. : Летопись, 2008. – 752 с.
3. Щербинин, П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – XX вв. : монография [Текст] / П.П. Щербинин. – Тамбов : Юлис, 2004, – 510 с.
4. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 [Текст] / И.К. Смолич. – М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. – 799 с.
5. Русско-японская война [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 52. – С. 1714–1719.
6. Отец Митрофан Серебрянский. Дневник полкового священника служащего на Дальнем Востоке [Текст] / Отец Митрофан Серебрянский. – М. : Отчий дом, 1996. – 352 с.
7. Козлова, Н.В. Под военной грозой [Текст] / Н.В. Козлова // Исторический вестник. – 1913. – Т. 134. – № 11. – С. 533–562.
8. Наши пастыри на войне [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 42. – С. 2065–2069.
9. Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 10.
10. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 26.
11. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 24.
12. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 120-121.
13. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5354. Л. 5.
14. Государственный архив тамбовской области (Далее – ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 18.
15. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 320.
16. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 12.
17. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 108-об.
18. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 104-105.
19. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 111-об.
20. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 112-об.
21. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 110-об.
22. Предложение Его Преосвященства Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого, от 31 мая текущего года за № 4665, данное Тамбовской духовной консистории [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 24. – С. 479–480.
23. Капков, К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков [Текст] / К.Г. Капков. – М. : Летопись, 2008. – 752 с.
24. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755.
25. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5090. Л. 7.
26. Указы Святейшего Правительствующего Синода [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 14. – С. 270–272.
27. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755.
28. Обзор Воронежской губернии за 1904 год. – Воронеж, 1904. – 118 с.
29. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 12.
30. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 399.
31. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 20.
32. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4547. Л. 409.
33. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 139.
34. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 176.
35. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 91.
36. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 23.
37. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 48.
38. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 97.
39. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 97.
40. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России [Текст] / Е.С. Сенявская. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1999.
41. Котков, В.М. Военное духовенство России. Страницы истории [Электронный ресурс]. – (http://krotov.info/history/18/bednov/kotkov_1.htm).
42. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 36.
43. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 35.
44. Щербинин, П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – XX вв. : монография [Текст] / П.П. Щербинин. – Тамбов : Издательство Юлис, 2004, – 510 с.
45. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 52.
46. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 190.
47. Васильев, М.Г. Одна из пастырских обязанностей во время войны [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 36. – С. 1007–1015.